

Постепенно снег начал таять. У Дуань Лина появился новый дом, и это обрадовало его гораздо больше, чем все, что он когда-либо испытывал раньше. Поначалу Лан Цзюнься долго сомневался, стоит ли нанимать в дом слуг, но Дуань Лину все это было совершенно безразлично. В тот день он носился по всему дому, словно был наполнен безграничной энергией, повесил на дверь фонарь с надписью «Дуань» и вымел весь снег в главном дворе. Он был похож на щенка, которого только что забрали домой: все места в доме стали объектом его любопытства, его ноги проникали в каждый цунь нового дома, исследуя его так, будто он был неизведанным раем.

Лан Цзюнься еще не оправился от травм, поэтому, наложив мазь на левый глаз Дуань Лина, он позволил ему свободно бродить по дому.

— Можно я здесь что-нибудь посажу? — спросил Дуань Лин, присев перед небольшим садовым участком во дворе.

— Конечно. Этот дом — твой. Но сегодня уже слишком поздно. Я куплю тебе семена на рынке в следующий раз.

Присев, Дуань Лин старательно обрабатывал почву, а Лан Цзюнься наблюдал за ним, опираясь на деревянную трость у входной двери, и не отходил от него почти целый час. Только когда солнце начало садиться, он произнес:

— Заходи в дом. В Шанцзине слишком холодно, поэтому здесь очень трудно выращивать цветы.

Дуань Лин нехотя зашел в дом и застал Лан Цзюнься сидящим перед печью и разжигающим огонь.

— Я собираюсь проверить твои знания. Чему ты научился в Прославленном зале?

— Небо черное, а земля желтая, космос беспредельно широк, — Дуань Лин начал читать Тысячесловие. Его короткие каникулы скоро закончатся, и завтра ему придется вернуться в школу.

Лан Цзюнься взял миску и положил в нее свиную кожу. Поставив ее на огонь, он дал ей пропариться, добавил воды, а затем немного коричневого сахара.

Дуань Лин закончил читать все Тысячесловие, и Лан Цзюнься был очень удивлен.

— Ты все выучил наизусть.

В середине он перепутал несколько слов, но Лан Цзюнься не обратил на это внимания. Он серьезно сказал:

— Очень хорошо, ты действительно можешь стать ученым. Я ранен, поэтому сегодня не могу с тобой погулять, да и на улице слишком холодно, так что развлечений не так много, в этот раз с меня должок. В следующем месяце, когда наступит весна, я возьму тебя с собой посмотреть достопримечательности.

— Все в порядке, не торопись и восстанавливайся. Что ты готовишь на пару? Я видел сахар. Это вкусно?

— Завтра узнаешь, — ответил Лан Цзюнься.

Дуань Лин понимал, что какой бы вопрос он ни задал, он почти никогда не получит от него ответа, но постепенно привык к этому.

Ночью Лан Цзюнься положил в чашу пучок цветков сливы и оставил на улице.

На следующий день, когда Лан Цзюнься привел его в Прославленный зал, он не ушел первым, а наблюдал за Дуань Лином, ожидая, когда тот уйдет. Дуань Лин уже смирился с таким раскладом. Несмотря на то, что ему не очень хотелось расставаться с Лан Цзюнься, он выглядел довольно бодрым и именно он сказал Лан Цзюнься: «Иди домой».

Через мгновение Лан Цзюнься оперся на костыль одной рукой и протянул другую, а Дуань Лин обхватил его за талию и прижался лицом к его груди.

— Не рассказывай никому о нас и нашем доме, пока ты в школе.

Лан Цзюнься заметил, что привратник с любопытством наблюдал за ними, и, обняв Дуань Лина, наклонился, чтобы тихо сказать ему на ухо:

— Не говори ничего. Нельзя судить о книге по ее обложке. Не забывай об этом.

— Это тебе, — Лан Цзюнься протянул Дуань Лину коробку с едой. — Съешь как можно скорее. Когда я был маленьким, мама часто готовила это мне.

Дуань Лин кивнул и ушел.

С тех пор как он оказался в компании Лан Цзюнься, Дуань Лин чаще всего слышал две фразы: «Ничего не спрашивай и ничего не говори». Лан Цзюнься был очень осторожен, и это вызывало у него чувство опасности, справиться с которым он был не в силах. Он даже не знал, с чего начать расспросы.

К счастью, у детей живое воображение, и Дуань Лин уже придумал в своей голове бесконечную череду историй; они нахлынули на него подобно приливу, запутанные и

бесчисленные. Новые теории сменяли старые, не успев обрести окончательный вид, а призвание Лан Цзюнься прошло бесчисленные этапы: от чудовища до бродяги, богатого торговца и, наконец, мечника.

Он все еще думал о позавчерашнем незваном госте — теневые стражи преследовали Лан Цзюнься, они были в невероятной опасности, но теперь находились в целости и сохранности. Иначе Лан Цзюнься забрал бы его и переехал в другой дом, чтобы их не обнаружили.

Его преследовали, чтобы выяснить чье-то местонахождение — кто это мог быть? Может, отец?

При этой мысли у Дуань Лина вся кровь забурлила в жилах. Может быть, его отец — кто-то очень важный, и он попросил Лан Цзюнься приехать за ним, позаботиться о нем, и когда они встретятся, вся правда раскроется.

Дуань Лин побежал с коробкой еды, которую ему дал Лан Цзюнься, и чуть не натолкнулся на кого-то у бокового двора — им оказался не кто иной, как Бату, пытающийся разглядеть, что происходит снаружи.

— Что случилось? — удивленно спросил Бату. — Кто ударил тебя в глаз?

Дуань Лин ответил:

— Это... ничего страшного.

Дуань Лин хотел вернуться в свою комнату, но Бату подошел поговорить с ним. Он хотел помочь донести его вещи, но Дуань Лин не отпускал их, думая, что тот хочет забрать их, чтобы посмотреть, и в панике произнес:

— Что ты делаешь?!

— Он что, издевается над тобой? — спросил Бату.

— Да правда ничего страшного...

— Борджигин! — сзади раздался строгий голос — это был Цай Янь. Он посмотрел на Бату с угрожающим, ледяным выражением лица и медленным шагом стал приближаться к ним. Бату ничего не оставалось, кроме как отпустить Дуань Лина, насмешливо хмыкнув.

— Зайди ко мне в комнату ненадолго, — обратился Цай Янь к Дуань Лину, — я хочу тебя кое о чем спросить.

Дуань Лин кивнул. Бату посмотрел на Цай Янь, потом на Дуань Лина. Цай Янь ничего не сказал, полагая, что, если тот знает, что для него хорошо, он не станет беспокоить Дуань Лина. Как только Цай Янь ушел, Дуань Лин объяснил Бату:

— Это моя вина, я ударился об угол стола, потому что был неосторожен.

— Кто-то ударил тебя. Прямо в угол глаза. Я же вижу.

Дуань Лин на мгновение потерял дар речи, но Бату уже забурчал:

— Забудь, все вы, ханьцы, состоите в своей маленькой компании. Я — юаньская псина, мне лучше не лезть в ваши дела. Ладно, я ухожу.

— Бату!

Он даже не удосужился оглянуться, прежде чем уйти. Дуань Лин вернулся в свою комнату и обнаружил, что постельное белье, которое он оставил в библиотеке, уже перенесли в его комнату, а кровать аккуратно застелили.

Дуань Лин открыл коробку. Внутри лежали конфеты, подаренные Лан Цзюнься: блестящие, полупрозрачные, с коричневым сахаром и цветущими цветами сливы в желе, разрезанные на маленькие кусочки и аккуратно выложенные рядом друг с другом. Чем больше Дуань Лин смотрел на них, тем меньше сил у него оставалось на то, чтобы просто не съесть их. Поразмыслив, он оставил себе порцию, а остальные завернул, чтобы отдать по одному Бату и Цай Яню.

Был первый день возвращения в школу, поэтому утренних занятий не было. Во дворе было шумно и оживленно, все дети обменивались друг с другом едой. Цай Янь стоял на заднем дворе Прославленного зала вместе с несколькими другими юношами и слушал лекцию учителя.

— Высоко поднимите руки, — со строгим выражением лица произнес учитель. — Кланяйтесь только в пояс.

Цай Янь и четверо других полурослых юношей подняли сцепленные руки над головой. Учитель проверил их по очереди и с раздражением сказал:

— Нет! Колени не сгибать! При поклоне колени должны оставаться неподвижными — именно поэтому говорят «согнуться в три погибели»!*

* □□□□ дословно «сгибать спину и преклонять колени» — раболепствовать, пресмыкаться.

Юноши подражали своему учителю, кланяясь снова и снова. Он вновь напомнил им:

— Благородный муж осторожен в словах и решителен в действиях. Когда Северный принц* окажется здесь, вы должны меньше говорить и больше делать.

* Династия Ляо, к сожалению, была слишком недолговечной, чтобы оставить нам словарь для всех их титулов. 辽国 напрямую переводится как «Императорский принц Северной администрации», но на самом деле это скорее великий полководец. Это более позднее развитие в истории Ляо, раньше титул был киданьским словом, означавшим «вождь».

— Да, учитель.

Наблюдая за тем, как юноши учатся правильному приветствию, Дуань Лин нашел Цай Янь очень изящным и красивым, поэтому тоже стал повторять — поднимал руки над головой и кланялся стене, подражая ему. Учитель отпустил их отдохнуть, а когда Цай Янь заметил Дуань Лина на улице, подошел к нему, и тот протянул ему желе, которое держал в руках.

— Это тебе поесть.

Цай Янь взял его, не спрашивая, что это такое, и сразу перешел к делу.

— Когда мой брат обыскивал город два дня назад, он заходил к тебе домой. Ты в порядке?

Дуань Лин покачал головой и указал на свой глаз, объясняя, чтобы Цай Янь не спрашивал:

— Я случайно ударился.

Цай Янь посмотрел на Дуань Лина, слегка нахмурившись.

— Разве твоя семья не занимается торговлей?

На лице Дуань Лина было написано «ничего не понимаю», но он лишь кивнул. Судя по тому, что Цай Янь услышал от брата той ночью, дом Дуань выглядел очень убого, и у них даже не было слуг. Молодой господин сам вышел открывать дверь на босу ногу, а перед этим его даже избили. Услышав это, Цай Янь почувствовал беспокойство о нем.

— С кем ты живешь? — спросил Цай Янь. — С отцом?

— Я... — Дуань Лин не знал, как правильно назвать Лан Цзюнься, и вдруг в его голове всплыла фраза, происхождение которой он даже не помнил. — С будущим мужем.

Цай Янь застыл. Он в недоумении прижал лоб к руке.

— Откуда ты это услышал? Ты не должен так говорить. Он, должно быть, слуга, которого наняла твоя семья.

Дуань Лин кивнул.

Цай Янь задал другой вопрос:

— Где твой отец?

— Занимается торговлей на юге, — ответил Дуань Лин, как учил его Лан Цзюнься.

Цай Янь долго рассматривал Дуань Лина и понял, что с кем бы тот ни разговаривал, он очень хорошо себя вел, не злился и на каждый вопрос давал ответ. С легкой неловкостью он произнес:

— Ну, по крайней мере, ты послушный. Не бери в голову. На самом деле я попросил тебя прийти сюда, чтобы напомнить, что тебе нужно больше общаться с другими ханьцами. Если тебе что-то понадобится, обратись к окружающим тебя ханьцам. Ты раньше учился в школе?

Дуань Лин еще не знал, что ханьцы в Шанцзине собирались в группы и создавали свои собственные объединения. У неханьцев тоже были свои маленькие общества. На вопрос Цай Яня он лишь кивнул.

— Ты знаешь Дин Чжи из «Калины»? — сменил тему и спросил Цай Янь.

Дуань Лин не знал, как ответить, и, судя по выражению лица, Цай Янь догадался, что он, вероятно, ее знал.

— Дин Чжи злится на моего брата, — сказал Цай Янь. — В следующий раз, если встретишься с ней, передай, чтобы она не обижалась на него. Но не нужно приходить к ней, только чтобы сказать это.

Дуань Лин кивнул. Во внутреннем дворе глава школы кашлянул, и Цай Янь поспешил вернуться, опасаясь, что его побьют. Перед уходом он добавил:

— Если тебе что-то непонятно, приходи ко мне.

Дуань Лин украдкой наблюдал за ними издали и некоторое время заучивал приветствия. Вскоре он почувствовал холодок в районе живота, вспомнил, что у него все еще был кусок холодного желе, которое вот-вот растает от его тепла, и побежал искать Бату.

Он нашел Бату в окружении толпы веселящихся детей, который боролся с высоким юношей. Его лицо было красным от напряжения; он был голым по пояс, и верхняя часть его тела уже демонстрировала признаки подростковой мускулатуры. То, как он крушил, сбивал и опрокидывал своего противника, было совершенно беспощадно. Внезапно заметив появление Дуань Лина, он на долю секунды потерял концентрацию и от неожиданности перевернулся вверх ногами.

Толпа разразилась безудержным хохотом, а Бату был настолько взбешен, что его щеки и уши стали ярко-красными. Дуань Лин бросился вперед, чтобы помочь ему подняться, но тот встал сам и отошел в сторону.

Дети с любопытством посмотрели на Дуань Лина, а Бату развернулся и направился в дом.

— Борджигин, — Дуань Лин побежал за ним. — Я принес тебе кое-что.

— Не называй меня по фамилии!

Бату сердито развернулся и толкнул Дуань Лина. Желе из цветков сливы в его руках упало на пол, а дверь с огромным грохотом захлопнулась, напугав его.

Все снова начали смеяться, а Дуань Лин был полон смущения и не понимал, как ему удалось вывести Бату из себя. Молодой человек, который ранее боролся с Бату, теперь шел к нему, как будто собирался что-то сказать, но Дуань Лин почувствовал ужас от незнакомой обстановки и, боясь, что кто-то снова доставит ему неприятности, быстро покинул это место.

Высокий юноша открыл рот, но из него ничего не выходило. Он наблюдал, как Дуань Лин исчезает за коридором.

Ханьцы общаются с другими ханьцами, неханьцы — с другими неханьцами — таково было негласное правило Прославленного зала. Но в глазах этих подростков не было особого чувства национальной вражды, и они не смотрели на вещи сквозь призму ненависти к другим народам: «Кто не моего племени, тот не моего сердца*». Просто ханьцы были возмущены уроженцами Юань, Лян и Сицян, потому что те не мылись, от них пахло потом и их поведение было варварским, что являлось позором для образованных людей.

* Очень старая фраза из «Цзо чжуань», сборника подробных комментариев к периоду Весны и Осени

Неханьцы, напротив, смотрели на ханьцев свысока, потому что те были педантичны и претенциозны.

Дуань Лин действительно ошибался на их счет. Тот юноша лишь хотел немного утешить его и научить бороться.

Конечно, даже если бы Дуань Лин понял его добрые намерения, он бы вежливо отказался. Во время обеда он с удивлением обнаружил, что сегодня в Прославленном зале было очень хорошо прибрано: днем был сметен снег, и даже опавшие листья в саду были собраны. Глава и все учителя надели свои парадные костюмы, и все стояли в ровных рядах, ожидая кого-то за воротами.

Что за особый случай сегодня? После обеда Дуань Лин с любопытством выглянул из переднего двора и посмотрел в пустоту с недоумением.

— Возвращайтесь! Все назад! — произнес учитель. — Занятия начнутся после обеда, будьте сегодня на высоте!

Издали донесся первый звонок, и дети быстро вернулись в свои комнаты, чтобы подготовиться к занятиям. Вторая половина дня прошла под знаменем основного образования: чтения Тысячесловия и переписывания иероглифов из тетрадей. Дуань Лин взял кисть, обмакнул в чернила на тушечнице, и едва успел вывести несколько иероглифов, как за стенами начальной школы раздались разговоры.

— Утром они читают, а после обеда пишут, — доносился голос учителя.

— Доброжелательность, праведность, воспитанность, мудрость, благонадежность, — говорил мощный голос. — Каждый должен уметь писать эти пять слов.

— Да, — ответил учитель. — Мы уже научили их всему этому. Пожалуйста, пройдите сюда, мой господин.

— Давайте сначала посмотрим на начальную школу, — произнес голос, а затем, не обращая внимания на учителя и не спрашивая, переступил через заднюю дверь.

В начальную школу зашел высокий, сильный мужчина средних лет. Учитель не предвидел этого и поспешно сказал школьникам:

— К вам пришел Северный принц, давайте, вставайте и поздоровайтесь с ним как полагается.

Дети положили кисти, встали и всячески стали приветствовать Северного принца: кто-то кланялся с руками по сторонам, кто-то впереди, кто-то поднял правый кулак перед грудью и полу встал, а некоторые даже опустились на колени — одно колено, оба колена, их приветствия, поистине разнообразные под солнцем, различались в зависимости от этикета каждого народа. Увидев это, мужчина средних лет разразился безудержным смехом и кивнул им.

— В будущем вы все станете столпами империи. Ага. Неплохо.

Их гостем был Северный принц — глава Северной администрации Ляо Елюй Даши. Император Ляо изменил титул вождя на «принца»; он контролировал все пять округов киданьской армии, и, кроме императора, никто не стоял над ним. Сегодня, просто по прихоти, он сначала отправился в Академию Биюн, а во второй половине дня пришел в Прославленный зал, чтобы подбодрить студентов Шанцзина.

Лан Цзюнься тоже на самом деле не учил Дуань Лина каким-либо приветствиям, поэтому он нашел хорошее применение тому, что узнал этим утром, подняв обе руки над головой и торжественно поклонившись.

— Хорошо, хорошо.

Елюй Даши прошел рядом с Дуань Лином и улыбнулся ему.

Дети закончили свои приветствия, и Елюй Даши небрежно поспрашивал их о чем-то, прежде чем повернуться и уйти вместе с учителем. Дуань Лин украдкой посмотрел на «принца» — у него была густая борода, он выглядел крупным и сильным, но казался довольно милым. Вскоре дети начали разговаривать между собой, вызывая настоящий переполох, и комната внезапно наполнилась шумом, но вскоре снова стало тихо. Оказалось, вернулся учитель.

— Положите кисти, выстройтесь в шеренгу и идите в главный двор, — приказал учитель. — Низкие идут спереди. Давайте, вставайте в линию и следуйте за мной.

Елюй Даши совершил один раз обход, затем по одному звал детей, чтобы раздать им подарки. Учащиеся всех трех классов вышли и встали в очередь в коридоре, ожидая, пока учитель назовет их имена. Дуань Лин смотрел во все стороны, но не видел Бату.

Юноша, который ранее в тот же день боролся с Бату, нашелся в конце шеренги в группе рядом с ним. Он увидел, что Дуань Лин оглядывается вокруг, и понял, о чем тот думал, поэтому сказал:

— Не пришел.

— Почему он не пришел? — спросил Дуань Лин.

Юноша покачал головой и указал на восточное крыло, затем развел руками в знак того, что ничего не может сделать. Дуань Лин спросил:

— Он болен?

— Нет... нет, он, сказал, что не хочет, не хочет приходить.

Оказалось, на самом деле он заикался. Дети услышали его речь, и оба класса начали хохотать. Когда учитель посмотрел на них с раздражением, очереди снова затихли.

Когда тот отвернулся, Дуань Лин покинул ряд и быстро побежал по коридору искать Бату.

Он сидел во дворе, а перед ним на столе лежало сливовое желе, которое дал ему Дуань Лин. Бату стоял к нему спиной, и Дуань Лин издали увидел, как он развернул ткань вокруг желе, аккуратно сложил ее и спрятал под лацкан, а затем осторожно сдул с десерта пыль. И, открыв рот, он собирался его съесть.

Дуань Лин крикнул:

— Бату!

Застигнутый врасплох, Бату чуть не подавился желе. Дуань Лин бросился похлопывать его по спине, и только когда ему удалось проглотить его, измученный Бату отправился за водой.

— Принц здесь, — сказал Дуань Лин. — Он раздает подарки. Это бесплатно, ты ведь собираешься идти?

— Я не псина. Я не принимаю подарков от киданей. Ты иди.

Бату зашел в комнату, и Дуань Лин уцепился за окно снаружи.

— Почему?

Бату сказал Дуань Лину:

— Все равно я не возьму, и тебе тоже не следует брать. Зайди в мою комнату, позволь мне поговорить с тобой.

Дуань Лин какое-то время разбирался в этой дилемме; он одновременно хотел подарок «принца», хотя и не понимал, что это за подарок, и инстинктивно чувствовал, что Бату прав. Ситуация была такой же, как когда он не брал в руки вещи, которые кидали в него служанки в Жунани, как бы сильно он ни хотел их съесть. Для этого не было никаких оснований — просто инстинкт, высеченный в сердце со дня его рождения.

— Тогда я тоже не хочу идти, — произнес Дуань Лин.

Лежа на кровати, Бату придвинулся ближе к стене и похлопал по подушке, предлагая ему подойти, чтобы они могли вздремнуть вместе, но Дуань Лин просто повернулся, оглянулся по

сторонам и убежал.

— Эй! Куда это ты?

Бату встал и бросился за ним.

Дуань Лин ответил:

— Я собираюсь пойти посмотреть.

Ему не нужен был подарок, но он, по крайней мере, мог пойти взглянуть, что это, верно?

Подарком оказалась кисть из шерсти хвоста ласки и один таэль серебра.

Бату и Дуань Лин спрятались на заднем дворе и увидели, как несколько рабочих несли корзины, наполненные кистями. Они были не такими красивыми, как те, что купил ему Лан Цзюнься. Бату положил руку на плечо Дуань Лина:

— Пойдем.

Внимание Дуань Лина внезапно привлек худощавый высокий рабочий, и как раз в этот момент он случайно обернулся, открывая свои черты. У Дуань Лина возникло ощущение, что он где-то видел этого человека раньше.

В одно мгновение словно удар молнии вспыхнул в его голове, и Дуань Лин вспомнил.

Это тот самый человек с сороконожкой, которого он видел позавчера вечером в аптеке! Но татуировка на его шее исчезла! Это тот же самый человек?

— Пойдем, — сказал Бату сказал. — Ты это хочешь?

— Подожди!

У Дуань Лина было полно дурных предчувствий. Почему этот человек был здесь? И почему он передвигал вещи на заднем дворе?

У Ду выгрузил кисти за пределы внутреннего двора и перенес их в передний. Дуань Лин, нахмутив брови, следовал за ним всю дорогу. Бату уже начал терять терпение и потянул его из галереи. Когда У Ду немного повернул голову, он заметил только лицо Бату.

У Бату были отчетливые черты лица: высокая переносица, глубоко посаженные глаза, оттенок синего в радужке, и он был одет по моде Юань. У Ду с первого взгляда понял, что это просто какой-то ребенок во дворе, осматривающийся по сторонам. Больше не беспокоясь, он продолжил быстрым шагом приближаться к выстроившимся группам, но при этом его глаза осматривали детей в очереди одного за другим.

Он не нашел того, кого искал, и поэтому подошел к окну в зале, скрестил руки на груди и прислушался к разговору, происходящему внутри.

В зале выстроилась группа юношей, в том числе Цай Янь, и все они приветствовали Елюй Даши.

— Очень хорошо.

Елюй Даши явно был доволен молодыми людьми. Учитель называл их имена, и когда произносилось очередное имя, тот, кого называли, выходил вперед, опускался на колени и кланялся Елюй Даши. Затем он брал серебро и кисть у телохранителя, стоящего рядом с ним, и лично вручал их юноше, говоря что-то ободряющее.

— Где ребенок из дома Хэлянь? — Елюй Даши, казалось, что-то вспомнил и спросил учителя.

— Хэлянь Бо! Хэлянь Бо! — учитель тут же вышел на улицу, чтобы позвать его, а заикающийся юноша, который ранее боролся с Бату, поспешил туда.

Елюй Даши кивнул ему.

— Привыкаешь к Шанцзину?

— Ваше... Ваше Высочество, — произнес юноша по имени Хэлянь Бо, — Привык, привык, благодарю вас за милость, Ваше Высочество.

Закончив говорить, он, не дожидаясь указаний Елюй Даши, решительно опустился на колени и трижды громко поклонился. Тот почувствовал себя очень довольным, и его залиvistый смех был слышен во всем дворе. Он лично помог Хэлянь Бо подняться, сам вложил подарок в его руку и заставил его сомкнуть пальцы над ним, дружески похлопывая по тыльной стороне ладони.

Хэлянь Бо кивнул, развернулся и вышел на улицу. Как только он оказался снаружи, то пришел в ярость — бросил подарок в сад и растоптал его, пока тот не разбился на кусочки. Когда он собрался уходить, Бату помахал ему рукой. Хэлянь Бо нахмурился и, посмотрев налево и направо, побежал к нему.

В коридоре.

— А как же тот, из дома Борджигин? — спросил Елюй Даши.

Теперь учитель должен был найти и его. Бату сразу же скрылся вместе с Дуань Лином.

А пока все это происходило, У Ду сузил глаза за оконной рамой, повернул голову и внимательно стал разглядывать молодых людей в зале.

Учитель отправился на поиски Бату, но прошло некоторое время, прежде чем он вернулся, все молодые люди ждали, поэтому Елюй Даши спросил:

— А что с Хань Цзели? Он ведь здесь?

— Приветствую вас, Ваше Высочество.

Маленький пухлый мальчик из семьи Хань сделал шаг вперед из шеренги молодых людей, формально приветствуя Елюй Даши, но не преклоняя колена.

— Ты прибавил в весе, — рассмеялся Елюй Даши. — Теперь ты почти как твой отец.

Все молодые люди захохотали, а лицо Хань Цзели стало ярко-красным, но он ничего не сказал. Елюй Даши подбодрил его:

— Прилежно учись.

— Этот человек очень странный, — сказал Дуань Лин.

— Какой... какой человек? — спросил Хэлянь Бо, сбитый с толку.

Дуань Лин ответил:

— У него есть меч.

И Хэлянь Бо, и Бату сразу же пришли в замешательство. Дуань Лин понял, что ляпнул что-то лишнее, и сразу же закрыл рот.

Бату спросил:

— Это убийца, и ты видел его раньше?

Дуань Лин поправил себя:

— Никогда не видел, но не кажется ли вам, что он похож на человека, который носит с собой меч?

Бату и Хэлянь Бо некоторое время пронаблюдали за ним, и Хэлянь Бо сказал:

— Этот... этот человек... это... это...

Он вдруг так разволновался, что даже не смог правильно подобрать слова, шлепнув Бату по руке.

— Рука! Рука!

Бату тоже заметил.

— Он мастер боевых искусств. Его меч спрятан за спиной — это наемный убийца! Дуань Лин, не могу поверить, что ты это заметил!

Дуань Лин случайно попал прямо в точку, но он не мог понять, для чего этот человек был здесь. Может, по призванию он убийца, а по совместительству подрабатывает?

Вернувшись в зал, Елюй Даши долго ждал, но этот ублюдок из дома Борджигин так и не появился, и ему ничего не осталось, кроме как сказать учителю, чтобы тот читал дальше по списку. Цай Янь стоял в конце очереди и выглядел довольно нервным, но только потому, что он взял желе, которое Дуань Лин дал ему раньше, и не долго раздумывал, прежде чем спрятать его под одежду. К сожалению, желе из цветков сливы — десерт холодный, и если раньше он учился этикету во внутреннем дворе и стоял на переднем дворе, встречая гостей, и на улице была прохладная погода, то теперь, когда он вошел в теплый зал и все это время согревал его своим телом, десерт растаял. А растаяв, он превратился в сахарную воду, просачивающуюся сквозь одежду и стекающую по рукаву.

Цай Янь тихонько выругался про себя:

— Проклятье.

Но Елюй Даши уже встал прямо перед ним.

— Ты...

Елюй Даши долго думал, но никак не мог вспомнить имя Цай Яня.

Тот почтительно поприветствовал его и собрался ответить, но Елюй Даши совершенно не интересовался этим ханьцем. Полагая, что он не является кем-то важным, Елюй Даши вручил ему подарок и отправил обратно.

Снаружи остальные юноши наблюдали за тем, как Цай Янь, быстро двигаясь по коридору, оставлял за собой красновато-коричневую дорожку воды.

Между бровей У Ду появилась небольшая морщинка, как будто он что-то понял, и он пошел за Цай Янем. Он увидел, как тот скрылся за камнем и быстро развязал одежду, чтобы достать что-то, завернутое в ткань, полностью промокшее снаружи. Развернув его, он обнаружил горсть мокрых цветков сливы.

Цай Янь едва не сошел с ума, и, когда начал вытирать платье, позади него вдруг раздался голос.

— Желе из цветков сливы, приготовленное тебе человеком из Сянбэя?

Цай Янь собрался повернуть голову, но стоящий позади него человек протянул руку и закрыл ему рот и нос. Прежде чем Цай Янь успел издать хоть звук, он упал в обморок.

— Он забрал пса Цая! — поразился Бату.

— Он что, враг семьи Цай?

— Спасем его? — спросил Хэлянь Бо.

Все трое посмотрели друг на друга, не зная, что делать, и не в силах разгадать мотивы У Ду. Но Дуань Лин знал, на что тот способен, и немедленно побежал туда, а Хэлянь Бо и Бату быстро последовали за ним. У Ду мчался по коридору на задний двор и, услышав приближающиеся шаги телохранителей Елюй Даши, положил потерявшего сознание Цай Яня за деревом и встал, оперев руки в бока.

— Идем со мной! — тихо произнес Бату.

Бату повел Хэлянь Бо и Дуань Лина в обход заднего двора. Дуань Лин хотел спасти Цай Яня, но Хэлянь Бо схватил его за руку и потащил за собой. На бегу они быстро переговаривались друг с другом.

Дуань Лин спросил:

— Мы не собираемся рассказывать главе школы?

— Будем ждать, пока он позовет кого-нибудь? — произнес Бату сказал. — Когда он вернется, труп уже остынет!

— Подождите! Подождите! Он... хочет, хочет...

Когда Хэлянь Бо нервничал, он становился невнятным; Дуань Лин и Бату стояли на месте и слушали его, желая перевернуть вверх ногами и вытрясти из него все слова разом. Наконец Хэлянь Бо прекратил разговор и указал на внутренний двор.

Дуань Лин спросил:

— Он хочет сказать, что мы должны пойти за принцем?

Хэлянь Бо поспешно кивнул, но Бату отмахнулся от этой идеи.

— Псу Елюй нет дела до жизни ханьца. Он заботится только о себе.

— Верно!

Хэлянь Бо пришел к полному осознанию и кивнул.

Дуань Лин был встревожен не на шутку.

— Тогда что же нам делать?

— Хэлянь говорит слишком медленно, — скомандовал Бату. — Ты, отправляйся в штаб гвардейцев и найди старшего брата пса Цая. Мы с Хэлянем придумаем, как его спасти.

Дуань Лин сказал:

— Я не знаю, где это.

Бату лишился слов; он сдался.

— Я пойду. Вы двое следуйте за ним.

У Ду понес Цай Яня и собрался уходить.

Дуань Лин и Хэлянь Бо выбежали из коридора и последовали за ним. Вдруг воротник Дуань

Лина стянулся вокруг него, его схватили и потащили за собой по коридору.

Он уже собирался закричать, как вдруг чья-то рука закрыла ему рот. Повернувшись, он увидел человека в маске и плаще.

Хэлянь Бо, однако, сохранил спокойствие. Он бросился к ним, чтобы вернуть Дуань Лина, но человек в маске небрежно щелкнул по точке в полцуня от его горла, и он упал прямо на пол, не в силах произнести ни слова и сдвинуться с места.

Дуань Лин попал в объятия человека в маске, где его обдало знакомым запахом; человек в маске отвел Дуань Лина на шаг в сторону, за пределы видимости Хэлянь Бо, и приложил палец ко рту, приказывая ему замолчать; уголок его рта загнулся, намекая на то, что он должен сохранять спокойствие.

Дуань Лин задумался.

Человек в маске похлопал по Хэлянь Бо, освобождая его акупунктурные точки, а затем быстро выбежал с заднего двора, чтобы доставить неприятности У Ду.

Он усмехнулся и мгновенно атаковал из-за дерева: Цинфэнцзянь превратился в бесчисленные копии самого себя, образуя паутину, которая окружила У Ду.

Тому не осталось ничего иного, как отступить в конюшню, с дразнящей улыбкой он потянулся к мечу.

Меч человека в маске полетел прямо к горлу У Ду.

У Ду, похоже, это не смутило — на его лице все еще играла улыбка. Отказавшись от защиты, он одним движением руки направил клинок на потерявшего сознание Цай Яня.

Но, вопреки его ожиданиям, человек в маске не обратил внимания на опасность, которая могла подстергать Цай Яня, и, не сбавляя хода, настиг У Ду на максимальной скорости. У Ду молниеносно осознал, что даже если он убьет Цай Яня, меч человека в маске пронзит его горло, и ему ничего не осталось, как сменить тактику. Однако У Ду уже потерял шанс нанести первый удар — когда он повернул голову, чтобы уклониться, человек в маске сменил выпад на боковой удар, и лезвие сразу же провело кровавую линию по его щеке!

У Ду снова отступил, а человек в маске настиг его подобно неумолимой тени. Понимая, что юношу нельзя использовать в качестве заложника, У Ду вынужден был парировать удары. Клинки сцепились, взлетели к потолку конюшни и вонзились в деревянный столб. Человек в маске отказался от меча и, вытянув обе ладони, прижал их к животу У Ду.

При этом не раздавалось ни звука, но вся сила человека в маске была направлена на него. Там,

куда дошла эта мягкая сила*, энергия пробила внутренние органы У Ду — и он выплеснул полный рот крови, падая назад.

* «Мягкая сила» часто используется в реальной жизни для описания силы, стоящей за движением в тай-чи, но в терминах уся это буквально использование «силы», когда мастер боевых искусств накладывает на кого-то руки и пропускает через них ци, не оставляя синяков и повреждая внутренние органы.

У Ду едва не поплатился жизнью за минутную ошибку в суждениях. Пробивая потолок конюшни и вылетая с другой стороны, он одним взмахом руки выбросил горсть ядовитого порошка. Человек в маске тут же задержал дыхание, выхватил меч и взмыл в воздух, а У Ду пробился сквозь ядовитый туман, вынул меч из столба и, спотыкаясь, побежал за человеком в маске.

Человек в маске, отступая, прыгнул на стену двора, за его спиной развеялся плащ. У Ду бросился за ним вслед, и они вдвоем ступили на крышу Прославленного зала, проносясь мимо стражников сверху. Человек в маске выглядел ослабленным из-за полученных травм, а У Ду получил внутренние повреждения от удара ладонью вскоре после начала боя, поэтому они оба скользили по крыше, разбрасывая черепицу.

На шум выбежали телохранители, чтобы посмотреть на них снизу.

Пока они были заняты, стремительно выбежали Дуань Лин и Хэлянь, подхватили Цай Яня и унесли его в коридор.

К тому времени, как охранники подняли головы, У Ду и человек в маске уже исчезли: оба одновременно применили технику легкости, бесшумно перелетели через карниз и добрались до крыши главного зала.

Из пореза на щеке У Ду все еще капала кровь, когда он догонял человека в маске на самой большой крыше Прославленного зала.

У Ду и человек в маске посмотрели друг на друга, они не могли позволить себе быть беспечными, так как знали, что только один из них выйдет живым из этой схватки.

Голос человека в маске стал очень хриплым:

— Откуда ты узнал?

У Ду усмехнулся и ехидно улыбнулся:

— Я оставил тебя в живых только потому, что хотел выманить у тебя эту крупную рыбу. После того как мы расстались, ты сразу же отправился в Шанцзин. Чем еще оправдана такая спешка,

как не защитой своего потомства? Если наследник и есть, то ему уже, наверное, примерно столько же лет.

Человек в маске ответил хриплым голосом:

— Лучшие планы часто срываются. У-сюн, ты меня перехитрил.

— Ты можешь уберечь его до поры до времени, но не сможешь обеспечивать его сохранность вечно.

— Я буду оберегать его столько, сколько смогу. Ты сегодня проиграл.

У Ду язвительно засмеялся:

— Это далеко не факт.

Человек в маске больше ничего не сказал; он внезапно сконцентрировал свою энергию в одной ноге, топнул по крыше, и вся черепица, до которой смогла дотянуться его внутренняя сила, обрушилась с громким грохотом. На лице У Ду появилась тревога, но он успел отпрыгнуть в сторону, и они вместе упали прямо в главный зал!

Елюй Даши все еще раздавал подарки внутри зала, когда крыша обрушилась прямо на них. Вот почему у ханьцев есть пословица, согласно которой люди с большими богатствами не должны сидеть под карнизом, чтобы на них не упала черепица. Теперь два убийцы одновременно упали, и зал погрузился в полный хаос; в одно мгновение принц оскалился, стражники закричали, глава школы взвыл, а дети обмочились от страха — всевозможные реакции под солнцем налицо, как же было оживленно!

— Кто там...!

— Убийцы!

— Защитите Его Высочество!

Елюй Даши тоже был мастером боевых искусств, и он быстро принял решение поднять стол и бросить его прямо на них.

Но и У Ду, и человек в маске, только-только успевший выскочить из этой кутерьмы, больше ничего не произнесли. Одновременно они прыгнули и врезались в окна: человек в маске убежал на восток, а У Ду — на запад, и тут же им в спины полетела почти сотня стрел.

Порыв ветра, поднятый стрелами, пронесся мимо сосульки, и с нее капнула вода.

Человек в маске вскочил на камень в переднем дворе. Киданьское мастерство стрельбы из лука не имело себе равных, оно было очень точно, и все стрелы были направлены в его жизненно важные точки; они достигли его в одно мгновение. Глаза человека в маске сузились, и все до единого наконечники стрел превратились в точки в его глазах.

В этот момент он развел руки в стороны и оттолкнулся от камня, делая сальто назад подобно расправляющему крылья орлу. Он мгновенно уклонился от всех стрел и упал за стены заднего двора.

У Ду, напротив, прыгнул на стену, когда стрелы уже настигали его сзади. Твердо ступив на вершину стены, он использовал импульс, чтобы полностью развернуться, и сила его развевающейся одежды сбила стрелы с пути. Затем он выплеснул свою ци наружу, и стрелы разлетелись в стороны!

Телохранители выбежали из переднего двора, чтобы преследовать его, но У Ду уже и след простыл.

По дорожке доносился звук лошадей — это Цай Вэнь прибыл со своими всадниками. Бату заметил приземлившегося У Ду и вскрикнул:

— Это он!

Конники бросились в атаку. Раненый У Ду не смел продолжать бой и скрылся в переулке. Но как только он свернул с задней улицы, к нему подъехали еще всадники. Видя, что гвардейцы скачут по главной дороге рядом с рекой и скоро его окружают, У Ду прыгнул, выхватив меч, и прочертил дугу в воздухе, целясь в замерзшую реку.

Лед с треском разломился на куски, и он нырнул в воду, бесследно исчезая.

В боковом дворе Дуань Лин и Хэлянь Бо трясли Цай Яня.

— Цай Янь! — с тревогой звал его по имени Дуань Лин.

— Воды.

Хэлянь Бо протянул Дуань Лину немного воды, чтобы напоить его.

Без всякого предупреждения приземлился человек в маске. Хэлянь Бо быстро схватил Дуань Лина, чтобы отвести назад, но тот помахал рукой в знак того, что все в порядке. Они лицезрели, как человек в маске нагнулся, чтобы сначала проверить дыхание Цай Яня, а затем

его пульс. Дуань Лин собирался что-то сказать, но человек поднял другую руку и прижал ее к его губам.

За пределами двора что-то говорил Цай Вэй. Наконец человек в маске указал на него и покачал указательным пальцем в сторону Дуань Лина. Тот понял, что это значит, что жизнь Цай Янь была вне опасности. Затем человек в маске ушел, перелезая через стену, и появился Цай Вэнь.

В тот же день Елюй Даши пришел в ярость. Он запер Прославленный зал и устроил каждому ребенку допрос. К концу сыска все были измотаны и издерганы, а некоторые не переставали плакать.

Бату отправился за подкреплением и не увидел человека в маске, который сражался с У Ду, а Дуань Лин уже трижды подробно описал все это происшествие. Он не осмелился упомянуть Лан Цзюнься и намеренно умолчал о некоторых деталях. Он лишь рассказал, что, отправившись к Бату, увидел, как похищают Цай Яня, а потом появился еще один таинственный убийца и так далее.

А Цай Янь, очнувшись, вообще ничего не знал; Елюй Даши лично выслушал их показания, а когда отправился уточнить историю у Хэлянь Бо, тот лишь невнятно заикался. Елюй Даши предпочел бы десять раз выслушать, как Дуань Лин вспоминает эту историю, чем один раз слушать, как пересказывает ее Хэлянь Бо. В итоге показания Дуань Лина и Цай Яня были приняты за факт и занесены в протокол. Дальнейшее расследование Цай Вэня ничего не дало — похоже, все остались в неведении, и дело просто замяли.

Все эти допросы довели Дуань Лина до физического и морального истощения; ему едва удалось проглотить несколько кусочков еды за ужином, а когда он вернулся в свой боковой дворик, чтобы поспать, в его голове все еще крутились мысли о том, что произошло днем, и он ворочался, не в силах заснуть. Но вот кто-то заиграл на флейте, как и прежде, мелодию, приятную и сладостную, и Дуань Лин, окруженный музыкой, постепенно успокоился и погрузился в глубокий сон.

На следующий день все вернулось на круги своя, за исключением того, что Цай Янь выглядел очень измученным. Дуань Лин хотел выразить свое беспокойство, но тот лишь кивнул. Они долго разговаривали, и даже Цай Янь не смог понять, кого могла обидеть его собственная семья. Он лишь рассказал Дуань Лину, что его брат Цай Вэнь нашел бессознательного рабочего за чернильным залом, и, предположительно, именно так убийца и пробрался сюда — притворившись рабочим.

А вот почему он решил совершить покушение именно в школе, почему его целью стал Цай Янь, и кто был другим человеком в маске, даже Цай Янь не мог понять. К счастью, городская стража обнаружила во рву за городом пробоину во льду, из чего они сделали вывод, что убийца уже скрылся.

Этим же вечером, в Калиновом дворе.

Стоя перед зеркалом, Лан Цзюнься смешивал лекарственный порошок с жидкостью и наносил смесь на порезы на талии и спине. Сбоку от него стояла ширма, а за ней — шесть роскошно одетых девушек, включая Дин Чжи, — Лань, Шао, Цзинь, Чжи, Мо и Чжи — все были ведущими куртизанками «Калины»*.

* Орхидея, пион, гибискус, дягиль, жасмин, гардения.

Одна из шести девушек зажгла грелку, а другая предложила чашку с чаем; все они сидели в зале вокруг дамы, походившей на красочный букет.

Ей была та самая «госпожа», о которой ранее говорила Дин Чжи, — хозяйка Калинового двора.

— Вам с этим ребенком несказанно повезло, — холодно произнесла госпожа. — Почему бы в ближайшие дни не найти другое место жительства, мы снова устроим вам переезд.

Тень Лан Цзюнься падала на ширму, вырисовывая силуэт мужчины, обнаженного по пояс.

— Чем прятаться и убегать, лучше сидеть тихо и выжидать.

— Судьба этого ребенка освящена звездами, ведь тот, кто пришел на этот раз, — У Ду. — продолжила дама. — Во-первых, это непредвиденная череда неприятностей — Чжу уже достаточно долго являлся теневым стражем, только подумать, что он каким-то образом умер от рук маленького ребенка. Наверняка сильные мира сего уже решили их судьбы. Но следующим, кто придет, может оказаться не У Ду.

— И что с того, если придет Чан Люцзюнь? — Лан Цзюнься отложил блюдце с лекарствами и бесстрастно ответил.

— Не стоит недооценивать врага, — невозмутимо сказала госпожа. — Хотя У Ду хорошо разбирается в ядах, он отличается эксцентричностью в вашем кругу. Он отравляет до бессознательного состояния, когда может, и оставляет в живых тех, кого может оставить в живых. Каждый раз, когда он убивает, выживших остается больше, чем врагов, и часто он сохраняет жизнь из сострадания. Слишком добрые люди не могут быть убийцами.

Лан Цзюнься закончил менять припарки, надел верхний халат и, застегнув его, вышел из-за ширмы.

Брови госпожи, одетой с ног до головы в темно-красную парчу, на которой был расшит реалистичный журавль с красной короной и расправленными крыльями, были похожи на арку далекого горного хребта, а глаза — на взгляд в глубину чистых горных источников. Хотя она была царицей многочисленных цветов Калины, ей не было и тридцати, и в ее облике прослеживались черты уроженки Сиюй*.

* Западный край — принятое в китайских исторических хрониках наименование провинций, расположенных западнее заставы Юймэньгуань (которая находилась западнее Дуньхуана).

— Думаю, Чан Люцзюнь не придет, — произнес Лан Цзюнься.

Госпожа бесстрастно ответила:

— Твои духовные силы всегда были непоколебимы.

— Император Южной Чэнь не сможет долго продержаться. Северная экспедиция завершена. Армия Южной Чэнь не сможет пересечь Юйбигуань в ближайшие три года. Единственное, чем Чжао Куй и Му Куанда могут занять себя, — это междоусобица.

— И как только они начнут сражаться друг с другом, ни У Ду, ни Чан Люцзюнь не посмеют покинуть своих хозяев, — закончил Лан Цзюнься. — Шанцзин — территория киданей. Посылать именитых убийц через полмира на поиски ребенка, личность которого даже не установлена, — думаю, они не станут делать ничего такого бессмысленного.

Лан Цзюнься кивнул госпоже и, повернувшись, покинул Калину.

А дама осталась при своем мнении.

***

Ночное время; Южная Чэнь.

— Пусть живет, — бросил Чжао Куй.

— Что?

У Ду подумал, что ослышался.

Он вернулся из Шанцзина в весьма затруднительном положении, не сумев ни выяснить местонахождение Ли Цзяньхуна, ни убить легендарного Безымянного — единственное, что он привез, это полезную информацию.

Чжао Куй сидел в гостиной спиной к тусклому свету, отбрасывающему на него подобие тени. Тот же свет освещал лицо У Ду, и выражение лица убийцы, мягко говоря, было нечитаемым.

— Кто еще знает? — спросил Чжао Куй.

У Ду покачал головой и ответил:

— Чжу уже мертв, а остальные убийцы из Теневой стражи даже не смогли проникнуть в Шанцзин. Все они находились за пределами города, выполняя роль поддержки. К этой информации я пришел сам. Но я не понимаю...

— У Его Величества мало времени. — медленно произнес Чжао Куй. — У четвертого принца еще нет наследника, а Ли Цзяньхун пропал. Боюсь, что в будущем императорский двор перейдет к Му Куанде. Если мы не оставим возможность выбора, он может стать настолько могущественным, что его невозможно будет контролировать. Просто притворись, что ничего не было.

У Ду все понял и кивнул.

— Генерал, я оставил след третьего принца и взял курс на Шанцзин. Возможно, канцлер Му... уже догадался, почему.

Чжао Куй насмешливо ответил:

— Даже если Му Куанда знает, он точно не посмеет отправить Чан Люцзюня в Шанцзин, ни с кем не посоветовавшись. Вне его защиты он даже не сможет нормально выспаться. К тому же после твоей предыдущей поездки охрана должна была быть усилена. Другого такого шанса больше не представится.

***

В течение десяти дней в Шанцзине было введено военное положение, и в Прославленном зале часто дежурили стражники, внимательно следящие за детьми. Еще больше, чем они, затаили дыхание учителя. После этого случая Цай Янь и Дуань Лин незаметно для себя стали гораздо ближе. Цай Янь время от времени позволял Дуань Лину просить его о помощи с домашним заданием, объяснял ему все непонятное, призывая серьезно относиться к учебе.

В тот день, когда гвардейцы вышли на улицу, наступил последний день первого месяца, и за воротами ждало больше родственников, чем обычно: все узнали о покушении, и все выглядели обеспокоенными, бурно обсуждая этот вопрос между собой. Открывшаяся улица была забита каретами, причем многие экипажи богатых семей охранялись наемными солдатами.

— Семья Дуань — молодой господин Дуань, — напел привратник. — Не здесь?

Лан Цзюнься прибыл первым и ждал у ворот, когда еще не наступил и полдень.

— Здесь! Я тут!

Дуань Лин торопливо протянул жетон с именем и бросился в руки Лан Цзюнься, где его тут же заключили в объятия.

— Пойдем домой.

Лан Цзюнься взял Дуань Лина за руку, но не мог оторвать взгляд от решетки главного входа в Прославленный зал, где во внутреннем дворе стоял Бату и издали смотрел на Дуань Лина.

Лан Цзюнься понимал, о чем подумал Дуань Лин, и остановился.

— Ты подружился с Борджигином?

Дуань Лин кивнул.

Лан Цзюнься спросил:

— Не хочешь пригласить его к нам на ужин?

— А можно?

— Он твой друг. Конечно, можно.

— Бату! — позвал его Дуань Лин. — Пойдем вместе! Приходи ко мне на вечер.

Тот отмахнулся от него. Дуань Лин ждал еще некоторое время, пока почти все, кто стоял в переулке, не ушли, а Бату все еще не выходил, видимо, и на этот раз никто не пришел за ним. Дуань Лин снова позвал его:

— Пошли!

Не ответив, он отвернулся и направился во внутренний двор со своим звонким металлическим прутом. Из конца переулки пробивались сумерки, и Дуань Лин почувствовал, как его охватывает меланхолия.

Но как только он вернулся домой, от тоски не осталось и следа — ведь Лан Цзюнься приготовил кучу блюд и расставил их на столе. Ликуя, Дуань Лин сел на свое место и собрался приступить к еде, даже не помыв руки, но Лан Цзюнься удержал его, вытирая грязные щенячьи лапы.

— Я не очень хорошо готовлю, — произнес Лан Цзюнься. — Мне до Чжэн Яня далеко. Когда позже отведаешь чего получше, точно забудешь про этот скромный ужин. Но пока придется

довольствоваться тем, что есть.

Кто такой Чжэн Янь? Задумался Дуань Лин, но это было неважно: у него уже почти не осталось мыслей для разговора, рот и так был набит едой. Вскоре кто-то начал стучать в дверь, и между бровей Лан Цзюнься появилась морщина.

— Дуань Лин! — снаружи раздался голос Бату.

Дуань Лин поспешно проглотил еду и побежал открывать дверь. Овчина, в которую был одет Бату, уже много дней не стиралась и сильно испачкалась, теперь с нее свисала куча грязи и листьев. Он стоял у ворот и сказал:

— Старший брат пса Цая был прав, ты действительно здесь живешь. Это тебе.

И протянул Дуань Лину сверток с закусками.

Дуань Лин спросил:

— Как тебе удалось улизнуть?

— Разумеется, у меня есть свои способы.

— Быстрее, заходи и ешь.

Дуань Лин хотел затащить Бату внутрь, но тот, похоже, был против. Они еще некоторое время толкали и дергали дверь, пока за спиной Дуань Лина не появился Лан Цзюнься.

— Заходи и выпей чаю.

Только тогда Бату перестал упираться и зашел во владения Дуань.

Лан Цзюнься положил ему еще одну пару палочек для еды, но Бату сказал:

— Я уже поел. Я пришел поговорить с ним.

— Поступайте как хотите.

Лан Цзюнься вышел из комнаты, и Дуань Лин почувствовал некоторое разочарование, но тут он увидел, что Лан Цзюнься принес табуретку и сел за дверь.

Дуань Лин хотел позвать его, но Бату сказал:

— Продолжай есть.

Бату только пил чай, который держал в руках, но, глядя на стол, заставленный едой, испытывал некоторую зависть. Дуань Лин пытался уговорить его поесть, но тот лишь настоял, что уже ел в Прославленном зале, поэтому Дуань Лин мог только оставить его в покое. Двое полувзрослых детей некоторое время разговаривали, болтали и смеялись. Дуань Лин быстро продвигался в учебе: он уже поступил в чернильный зал, а к началу месяца перейдет в промежуточный.

После того как Лан Цзюнься тоже поел, Дуань Лин собрал вещи и одежду для Бату и повел его в купальню, чтобы тот помылся. Сначала он не очень хотел, но, к сожалению, от него слишком сильно воняло — когда он пришел в поместье Цай, чтобы спросить дорогу, его встретили довольно брезгливым взглядом. И вот, несмотря на полусерьезный отказ от приглашения, Дуань Лин его привел.

Они отмокали в общественной бане. Овчинный полушубок Бату отдали работникам для стирки и сушки у огня, а сам он некоторое время играл с Дуань Лином, после чего Лан Цзюнься позвал кого-то побрить его и подстричь ему ногти, а сам он занялся Дуань Лином.

— Твои глаза похожи на озеро.

Дуань Лин посмотрел в зеркало и повернулся, чтобы взглянуть на Бату.

— Они такие красивые. Я бы хотел, чтобы у меня тоже были голубые глаза.

— Ты завидуешь моим голубым глазам, но на самом деле я тоже завидую твоим черным глазам,
— ответил Бату.

Лан Цзюнься бесстрастно произнес:

— У голубых глаз есть свои преимущества, а у черных — свои. Каждому из нас уготована своя судьба — нет смысла жаждать того, чего у тебя нет.

Дуань Лин кивнул. Он пока не понимал, что имел в виду Лан Цзюнься. Пройдет много-много времени, прежде чем эта фраза, которую он произнес сейчас, почему-то будет часто появляться в их с Бату воспоминаниях.

Поздно вечером, надев отсыревшую шубу, Бату сказал Дуань Лину:

— Я ухожу.

— Ночуй у меня, — ответил Дуань Лин.

Тот помахал рукой и, прежде чем Дуань Лин успел сказать что-то еще, молниеносно убежал. Дуань Лин смотрел вслед уходящему Бату и долгое время ничего не говорил.

Бату продвигался по переулкам и добрался до внешней стороны Прославленного зала. Он пролез через ограду сада, задвинув горшок со священной лилией на место, чтобы закрыть дыру в заборе, и вернулся в библиотеку спать.

***

— Ты можешь подружиться с мальчиком из дома Борджигин, — предупредил его Лан Цзюнься.
— Но ты не должен перенимать все его манеры поведения и принципы.

Дуань Лин кивнул.

Молодые люди по своей природе любят веселиться, и не то чтобы никто не хотел дружить с Дуань Лином — просто Дуань Лин всегда сидел в одиночестве, с осторожностью следуя наставлениям Лан Цзюнься. Кроме того, из-за вбитой в него с детства бдительности он боялся потерять все, опасаясь, что его действия могут навредить отцу, который все еще был так далеко. Поэтому он держался особняком в боковом дворике и не заводил друзей.

Большую часть мира Дуань Лина занимали Лан Цзюнься и отец, которого он никогда не видел.

Поначалу все считали его робким и не решались заговорить с ним, но со временем поняли, что он действительно не склонен к общению, и приняли этот факт. В Шанцзине было принято придерживаться свободы и позволять людям делать то, что им нравится; по киданьским обычаям они никогда не заставляли других делать то, чего они не хотят, люди уважали друг друга. Когда они изредка сталкивались с ним, то кивали ему, и Дуань Лин вежливо следовал тому, чему его учил глава школы. Он останавливался, приглаживал складки на одежде и отвечал жестом на жест.

Его сокурсники хихикали по этому поводу, считая это чем-то необычным, но потом обнаружили, что Дуань Лин с его утонченно-красивыми чертами лица выглядел весьма привлекательно, и на некоторое время приветствие благородного мужа стало довольно популярным в Прославленном зале. Только Цай Янь стал считать его кем-то особенным; и, хотя об этом уважении не говорилось вслух, они оба это понимали. Цай Вэнь тоже видел Дуань Лина несколько раз после этого, и ему также нравилось его спокойствие и серьезность.

Когда Дуань Лин перешел в чернильный зал, он с удивлением обнаружил, что сидит за одним столом с высоким, заикающимся Хэлянь Бо. Его новый сосед по столу говорил очень мало и большую часть времени молчал, но это вполне соответствовало спокойному характеру Дуань Лина.

Время пролетает удивительно быстро: не успеешь оглянуться, как дни становятся длиннее, снег полностью тает, и на смену зиме приходит весна. Вместо того чтобы оставаться в школе, Дуань Лин предпочел бы отправиться домой. С того дня Лан Цзюнься больше никогда не опаздывал, а иногда, когда Дуань Лин посещал занятия в Прославленном зале, ему даже казалось, что кто-то стоит у него за спиной и не сводит с него глаз.

Постепенно становилось все жарче. Во время послеобеденных занятий мысли Дуань Лина блуждали, и он, облокотившись на стол, задремал. Вдруг ему на голову упала слива.

— Ай!

Дуань Лин поднял голову и увидел силуэт, мелькнувший на вершине стены, а затем внезапно исчезнувший, так что ему ничего не оставалось, как вернуться к обучению письму. Начальный курс занял у Дуань Лина всего три месяца, меньше, чем у других детей, и вскоре его перевели в другой класс. Там было больше книг для чтения и разнообразных предметов — астрология, гадание, правила написания сочинения* — и все это очень сильно нагружало мозг.

* Классическое китайское написание эссе называется 起承轉合, что означает введение, вспомогательные аргументы, переход, заключение (по сути, это аббревиатура).

В теплом вечернем весеннем воздухе витал дразнящий аромат, а в сердце Дуань Лина возникло странное беспокойство. Тот взгляд на Лан Цзюнься со спины, который он уловил в Калине в первый вечер своего приезда в Шанцзин, казалось, всегда занимал его мысли.

Снаружи бокового двора вдруг зазвучала приятная музыка флейты; в весеннюю ночь, как сегодня, когда цветы в полном цвету, она словно говорила с ним. У Дуань Лина возникло смутное ощущение, что это Лан Цзюнься играет на флейте, но он его не видел. Он выбежал на улицу, чтобы постоять босиком под луной, и только когда музыка стихла, вернулся в свою комнату и лег. Но он продолжал ворочаться, не в силах заснуть.

В мгновение ока пролетело полгода. Лан Цзюнься делал все, как обещал, и с тех пор не уезжал далеко. Он содержал поместье Дуань в идеальном порядке, и каждый раз, когда у Дуань Лина выдавались свободные дни, он брал его с собой на весенние прогулки: скакать по бескрайним равнинам, наблюдая за стадами скота, сидеть под Алтынтагом, пить обжигающе холодный талый снег и ловить рыбу в реке. Иногда он брал с собой и Бату.

Дуань Лин часто думал о том, что он очень счастлив, но Бату, похоже, не хотел разделять его радость. Со временем он начал находить отговорки, чтобы не быть с Дуань Лином. Лан Цзюнься сказал, что у каждого свой путь, и в такие моменты не стоит форсировать события.

***

— Мой папа уже приехал?

Каждый раз, когда Дуань Лин возвращался домой, он задавал этот вопрос Лан Цзюнься.

— Он скоро приедет, — объяснял Лан Цзюнься Дуань Лину. — Он никогда тебя не бросит.

Дуань Лин, похоже, задал этот вопрос только для того, чтобы получить привычный ответ, и Лан Цзюнься снова пообещал ему:

— Ты должен серьезно относиться к учебе. Только так ты сможешь не разочаровать отца.

Поместье Дуань хорошо управлялось, а Дуань Лин посадил в саду множество лекарственных растений. Некоторые из них выжили, а некоторые нет, и Лан Цзюнься вслух интересовался:

— Зачем ты вырастил столько лекарственных ингредиентов?

— Это весело, — ответил Дуань Лин, вытирая пот со лба.

— Ты хочешь изучать медицину?

Дуань Лин задумался. Может быть, это потому, что его детство было полно боли и болезней, и из-за этого он постоянно чувствовал себя на пределе. Человеческая жизнь полна трудностей, и никто не застрахован от смерти, которая может настичь его в любой момент; возможно, именно поэтому его интересы склонялись к лечению болезней и спасению людей. В свободное от учебы время он часто брал медицинские книги, посвященные описанию лекарственных растений.

— Не изучай медицину, — сказал Лан Цзюнься. — Твой отец возлагает на тебя большие надежды. Ты должен многого добиться в будущем.

Дуань Лин упрямо ответил:

— Я просто думал об этом.

— Раз уж ты любишь сажать растения, то можешь посадить и это.

Лан Цзюнься купил Дуань Лину саженец персика на рынке. Он прибыл караваном с юга: Цзяннань вся утопала в цветах персиков, но после пересадки на севере им трудно было сохранить жизнь. Посадив персиковое дерево вместе с Дуань Лином, Лан Цзюнься сказал ему:

— Твой отец прибудет сюда к тому времени, когда зацветут персики.

— Правда? — спросил Дуань Лин.

Поэтому он еще бережнее относился к персиковому дереву, но, к сожалению, оно не было приспособлено к климату и всегда выглядело немного больным. Когда наступила весна, на нем появились несколько редких цветочных почек, но прежде, чем они успели распуститься, они уже завяли.

***

Наступила осень; поля и луга ржавой травы окружали Шанцзин. С другого конца гор дул ветер, и Лан Цзюнься вел лошадь, останавливаясь на берегу извилистой реки, похожей на ленту*, и глядя вдаль.

* Настоящая река Цзиндай находится в Гуанчжоу, который находится далеко к югу от того места, где они находятся, поэтому 江 переводится как прилагательное, а не как имя собственное (оно больше никогда не используется).

К этому времени Дуань Лин уже практически забыл о далекой Жунани. Начиная с начальной школы и заканчивая чернильным залом и дальнейшим продвижением в литературный павильон, монголов, киданей и чжурчжэней становилось все меньше, а ханьцев — все больше. От своих сокурсников он узнал много такого, о чем Лан Цзюнься никогда не говорил.

Например, о том, что большинство ханьцев в Шанцзине пришло с юга.

Например, что глава Прославленного зала когда-то был великим конфуцианцем из Южной Чэнь.

Например, что Калиновый двор — это место, куда чиновники Северной и Южной администраций ходят пить и веселиться, а все девушки в ней были привезены с юга во время южной карательной экспедиции императора-основателя Ляо.

Например, что для большинства ханьцев родина существовала в их снах. В этих снах в воздухе витали мягкие семена ивы, а персики находились в полном цвету.

Например, как трудно приживаются персиковые деревья в Шанцзине, но многие люди все равно их выращивают; как трудно читать и понимать ханьские книги, но многие люди все равно их изучают.

Например, что у его одноклассников в Прославленном зале, Борджигина Бату, Хэлянь Бо, Урлана, отцы обладали особым статусом, называемым «заложник».

Например, что в доме Цай, Линь и Чжао... у их родственников тоже были должности, называемые «чиновники южной стороны»*.

* Ссылки о том, как была организована династия Ляо, см. на справочной странице. Но если

говорить вкратце, то Южная администрация в основном занималась ханьцами, живущими на территории киданей, поэтому Бату называл их «псами». В то время как Северная администрация была сердцем армии и сдерживала северные племена, держа в заложниках членов семей вождей племен.

И каждый скучал по своей родине. И хотя они не говорили об этом, почти все они в глубине души верили без тени сомнения — что однажды они вернутся домой.

***

В последний день перед тем, как они должны были покинуть Прославленный зал и отправиться в Академию Биюн, глава школы подарил каждому ребенку по камню рю* с их именами, вырезанными на киданьском и ханьском языках, с ханьской печатью на одной стороне, которая при переворачивании превращалась в киданьскую печать.

* В интернете мало информации об этом камне. Скорее всего, это обломочная осадочная порода, состоящая из карбонатизированного известняка с прожилками кальцита. Сейчас часто используется для украшения аквариумов.

— Этот камень был добыт на горе Юйхэн*.

* Само слово «Юйхэн» — название Большой Медведицы. Все, что вам нужно знать, это то, что гора Юйхэн находится к северу от нынешней столицы Южной Чэнь.

Глава школы сидел в центре гостиной и неторопливо потягивал чай.

— Никогда не забывайте, откуда этот камень.

Более дюжины детей поклонились главе. С сегодняшнего дня они закончили обучение в Прославленном зале, и в шестом месяце им предстояло отнести рекомендательное письмо, подписанное главой школы и учителями, в Академию Биюн, чтобы принять участие во вступительных экзаменах.

В сердце Дуань Лина, когда он держал в руках это письмо, возникло неожиданное и довольно странное чувство.

— Неужели я ханец? — тот же день Дуань Лин не удержался и спросил Лан Цзюнься.

— Конечно, ты ханец, — Лан Цзюнься разделявал рыбе брюхо на кухне, и его тон, как всегда, был непринужденным. — Ты самый что ни на есть ханец в сравнении с другими ханьцами.

Дуань Лин уже не был тем невежественным и растерянным ребенком, которым он был раньше;

он чутко улавливал слова, которые Лан Цзюнься прятал между строк.

— Что это значит?

Лан Цзюнься рассеянно ответил:

— Это значит именно то, что сказано. Иди и учись.

— Но моя фамилия Дуань, а не одна из четырех самых распространенных фамилий центральной равнины*.

* В династии Сун четыремя самыми распространенными фамилиями были 柳 / Чжао, Цянь, Сунь и Ли.

— Когда-нибудь ты все узнаешь, — сказал Лан Цзюнься.

Дуань Лин стоял в сторонке, засунув руки в рукава, и смотрел, как Лан Цзюнься нарезает рыбу. Пальцы Лан Цзюнься были удивительно ловкими, и с помощью нескольких легких надрезов ему удалось сделать рыбные ломтики тонкими, словно бумага. Дуань Лин предложил помочь, но тот сказал ему:

— Благородный муж не должен находиться на кухне*. Твоя задача — учиться.

* Мэн-цзы говорил, что благородный муж должен держаться подальше от кухни, но не потому, что готовить плохо, а потому, что убийство животных мешает их есть.

Дуань Лину просто было скучно, но, проведя столько времени в обществе Лан Цзюнься, он привык подчиняться ему. Поэтому он отправился во двор и, взяв длинную палку, нанес ею несколько случайных ударов по воздуху.

— Когда ты научишь меня боевым искусствам? — спросил Дуань Лин.

— Ты обещал, что, когда я закончу обучение в Прославленном зале, ты научишь меня верховой езде, стрельбе из лука и боевым искусствам.

— Народные герои нарушают закон с помощью боевой мощи, — ответил Лан Цзюнься. — Только неграмотные бездари обучаются боевым искусствам. Зачем это изучать? Научившись драться, только наживешь себе неприятностей.

— Ученые нарушают закон с помощью языка, — произнес Дуань Лин. — Но разве не все изучают четыре книги и пять канонов*?

* «Ученые нарушают закон языком, народные герои нарушают закон боевой мощью» — две строки из текстов «Хань Фэй-цзы».

Лан Цзюнься сразу же потерялся в словах. Мысли Дуань Лина были ясны и логичны, он был очень смысленным и уже не тем ребенком, который соглашался со всем, что тот говорил. В споре его ум работал очень быстро, так что Лан Цзюнься часто не мог победить его словесно.

— Когда другие — ножи, я — рыба на разделочной доске*. Если я не научусь драться, меня просто побьют, — совершенно серьезно ответил Дуань Лин.

* Из книги Сыма Цяня «Исторические записки».

— Естественно, появятся люди, которые будут защищать тебя всю жизнь.

Лан Цзюнься вытер руки.

— Положи меч в руке и возьми кисть для письма. Путь гуманного правления — это твой меч. За всю жизнь человек может хорошо выполнить только одно дело. Где ты найдешь достаточно сосредоточенности, чтобы изучать и медицину, и боевые искусства?

— Борджигин говорил мне, что ни на кого нельзя полагаться, все, что у человека есть, — это он сам.

Уголки рта Лан Цзюнься слегка приподнялись.

— Даже на меня?

— Конечно, ты будешь защищать меня, но на всякий случай, если ты... если ты тоже окажешься в опасности, как я буду защищать тебя?

— Если я не смогу защитить тебя, — отстраненно сказал Лан Цзюнься, — то не выполню свой долг. Если этот день когда-нибудь наступит, то даже если я не умру, кто-нибудь придет лишить меня жизни. Но это неважно. После моей смерти, естественно, найдется множество других людей, которые выстроятся перед тобой в очередь, чтобы заслонять собой клинки и глотать ради тебя мечи

Лан Цзюнься только наполовину закончил то, что хотел сказать, когда Дуань Лин прижался к его спине.

— Ни за что, я хочу быть тем, кто защитит тебя, — сказал он и развернулся, чтобы уйти.

Солнечный свет проникал в комнату и освещал разделочную доску. Нож оставил на пальце Лан Цзюнься небольшую царапину, которую он как-то не заметил.

Дуань Лин установил сушилку для белья на заднем дворе и развесил выстиранное белоснежное белье. С тех пор как они переехали в новый дом, Лан Цзюнься ни разу не нанимал прислугу: о повседневных нуждах заботился только он. Когда Дуань Лин учился в школе, Лан Цзюнься время от времени навещал его в Прославленном зале, чтобы принести вещи.

Когда у Дуань Лина были выходные дни, тот оплачивал все повседневные расходы, так что он никогда ни в чем не нуждался.

Иногда Дуань Лин недоумевал и вслух спрашивал, откуда Лан Цзюнься берет деньги, но тот лишь отвечал, что ему не нужно об этом беспокоиться.

В начале весны Дуань Лин сидел в своем кабинете, а Лан Цзюнься устроился на полу, помогая ему растолочь тушь и зажечь благовония, и подготовил теплое полотенце, чтобы вытереть руки. Дуань Лин был весь напряжен, в глубине его сердца что-то беспокойно трепетало, и ему было трудно усидеть на месте. Увидев, что Лан Цзюнься направился на улицу, он тайком вышел из комнаты и взял с собой лопату, чтобы поухаживать за цветами на клумбе.

Еще в Жунани он часто наблюдал за тем, как садовник сажал цветы, подрезал и прививал; так он полюбил это занятие. Лан Цзюнься не раз пытался отговорить его от этого, но безрезультатно, и теперь он просто позволил ему делать то, что ему нравилось, лишь бы это не мешало учебе.

Учеба, учеба, одна учеба... Хотя Дуань Лин не был против нее, но слишком много учебы сковывало его. Цай Янь был старше его на два года, и он уже давно перешел в Академию Биюн; у Бату же не было мотивации к обучению, и, покинув Прославленный зал, Дуань Лин понятия не имел, куда он делся — он даже не попрощался. Дуань Лин несколько раз приходил к нему домой, но так и не смог его увидеть. В доме Бату было все мрачно, угрюмо и пугающе, а его отец набросился на Дуань Лина и сказал, чтобы тот больше не приходил только потому, что он ханец.

А вот мать Хэлянь Бо была довольно сердечна. Возможно, это потому, что у народов хань и тангутов были хорошие отношения друг с другом. Она взяла Дуань Лина за руку и задала ему множество вопросов, поблагодарив за заботу о ее заикающемся сыне.

Ему не нужно было ходить в Прославленный зал, и он еще не поступил в Академию Биюн, поэтому Дуань Лин часто проводил время дома, занимаясь садоводством.

Сегодня он осторожно выкопал росток пиона и пересадил в другую ямку. Вдруг позади него заговорил Лан Цзюнься:

— Надо бы найти тебе как-нибудь садовника, чтобы это не отнимало у тебя много внимания.

Дуань Лин очень удивился и чуть не сломал корень.

— Я и сам могу о них позаботиться.

— Экзамены будут в шестом месяце.

Брови Лан Цзюнься слегка нахмурились.

— Видишь, как ты увлечен.

Дуань Лин потянулся.

— Я позанимаюсь немного позже.

— Мне тоже нужно купить себе линейку для наказания. А то, когда ты перестал ходить в школу, некому стало бить тебя по рукам и держать в узде.

Дуань Лин громко рассмеялся. Лан Цзюнься никогда не бил его; даже когда он наказывал Дуань Лина, это происходило без эмоций. В нем не было ни печали, ни радости, как в бамбуке, спокойно растущим под крышей галереи.

— Или мне отвезти тебя в Калину, чтобы ты там ночевал? — спросил Лан Цзюнься.

Щеки Дуань Лина сразу же покраснели. Многие дети в Прославленном зале уже наполовину достигли зрелого возраста, и когда они говорили об отношениях между мужчинами и женщинами, то совсем не жалели слов. Однажды Бату и Хэлянь Бо даже вывели его через ограду сада и пробрались в Калиновый двор. Там они случайно увидели Дин Чжи, которая прислуживала старшему брату Цай Яня и наливала ему напитки.

Дуань Лин уже примерно представлял себе, что это за место — «Калина», и вернулся в свою комнату с ярким румянцем на щеках.

Но Лан Цзюнься спросил его:

— Чего ты покраснел?

Прийдя в дом, он увидел, как в коридоре появилась и исчезла тень Лан Цзюнься. Весенние дни навевали на него сонливость, он не смог удержаться от того, чтобы не заснуть на столе, а заснув, не просыпался до темноты. Ночью он ворочался и ерзал, не в силах спать спокойно.

Прошло уже много лет с тех пор, как он спал в одной постели с Лан Цзюнься, и все, что он слышал от него, — это несчастный шум из соседней комнаты.

— Хочешь воды? — спросил Лан Цзюнься через дверь.

Дуань Лин произнес что-то вроде «да», но ничего не ответил. Он как бы почувствовал, что Лан Цзюнься сидел снаружи, что он не ушел.

— Ты не собираешься спать?

Дуань Лин перевернулся на спину, наполовину проснувшись.

— Я не могу уснуть.

Лан Цзюнься сказал:

— Я просто посижу немного здесь.

На следующий день погода была солнечной и яркой. На рассвете Лан Цзюнься произнес из внутреннего двора:

— Дуань Лин, я ухожу по делам, так что днем меня здесь не будет. Вернусь вечером.

Дуань Лин что-то невнятно сказал в ответ, все еще дремля на кушетке. Солнечный свет проникал сквозь решетку окна, согревая его лицо, и он немного отодвинулся, чтобы спрятаться от солнца.

Каждый раз, когда солнечные лучи просачивались в комнату, он немного отворачивался, чтобы солнце не попадало ему на лицо.

Ли Цзяньхун стоял за оконной решеткой и молча наблюдал за Дуань Лином. Он был одет в дорожную одежду из пеньки, а его сухие, обшелушенные губы незаметно дрожали.

— Он мой сын, — произнес Ли Цзяньхун.

— Да, Ваше Высочество, — ответил Лан Цзюнься, достав из-под лацкана пожелтевшее свидетельство о рождении и обеими руками почтительно подав ему.

Ли Цзяньхун не взял его. Он даже не посмотрел на свидетельство о рождении. Лан Цзюнься тихо сказал:

— Когда принцесса* отправилась на юг через Юйбигуань и вернулась к семье Дуань, она уже была беременна. Как только Шанцзы попал в руки врага, она не осмелилась раскрыть личность маленького принца. Роды были тяжелыми... единственный, кого удалось спасти, — это ребенок.

* В отношении Дуань Сяовань далее обращаются «ванфэй» (□□), супруга принца.

На запястье Ли Цзяньхуна виднелись следы от клинков, а под ухом — шрам. Несколько лет назад, когда он пустился в бега, он был совершенно один в этом мире, спасаясь от наемных убийц из Южной Чэнь. Ему пришлось пережить больше, чем может вынести большинство обычных людей, и больше всего на свете он боялся, что причинит вред своему единственному сыну, и не решался опрометчиво отправиться на север.

Оправившись от ран, он бесследно исчез на родине Лан Цзюнься, в священных горах народа сянбэй; затем проник в Корё*, далее пробрался в торговый караван и отправился в Сицян. Лишь убедившись, что при императорском дворе Южной Чэнь его считают мертвым, он начал не прямой путь в Шанцзин.

* Корё было государством на Корейском полуострове во времена династии Сун.

Это путешествие отняло у него слишком много времени, и к концу все, что оставалось для его моральной опоры, — это непрочная, зыбкая вера. Достигнув места, где они с Лан Цзюнься обещали встретиться, он не осмелился сделать еще один шаг, не осмелился поверить — не осмелился даже предположить, что может его ждать.

Вероятнее всего, там вообще ничего не было, и если бы он постучал в эту дверь, это обрекло бы его на одинокое существование.

Но, к счастью, небеса не оказались жестоки к нему, и на этом темном пути они оставили ему единственный огонек.

На этой огромной реке жизни и смерти они оставили ему единственную лодку.

Пусть лампа была тусклой и колебалась, но она освещала всю его жизнь.

В тот самый момент, когда он увидел Дуань Лина, он наконец обрел некое спасение.

Его глаза были подобны глубоким лужам, а все тело излучало неосязаемую мощь, но сейчас его взгляд был окрашен нежностью.

— У моего сына глаза матери, — сказал Ли Цзяньхун. — И губы моего отца. Это губы Ли.

— Да, Ваше Высочество, — ответил Лан Цзюнься.

Ли Цзяньхун не мог оторвать глаз от спящего Дуань Лина. За последние пять лет он очень вырос: мягкие губы, красивый профиль с высокой переносицей, как у Ли Цзяньхуна.

— В этом году ему исполнится тринадцать.

Руки Лан Цзюнься, как и прежде, держали лист бумаги.

— Его день рождения — шестой день двенадцатого месяца.

— Да, верно. Был второй месяц того года, — пробормотал Ли Цзяньхун, — когда Сяовань покинула меня и вернулась на юг.

— Это все моя* вина, — сказал Лан Цзюнься. — Я совершал одну ошибку за другой, не смог уберечь принцессу и не смог оказать должной поддержки Вашему Высочеству. Той ночью я отправился в Хучан, чтобы найти Ваше Высочество, но мне помешал У Ду...

* В этом переводе используются обычные местоимения, по большей части, для удобства чтения. Неформальные местоимения включены в текст, в то время как формальные местоимения заменены обычными.

— Нет, — четко ответил Ли Цзяньхун, выверяя каждое слово. — Лан Цзюнься, все твои прошлые ошибки будут забыты раз и навсегда.

Дуань Лин перевернулся, и солнечный свет освещал его лицо, все еще овеянное детской невинностью. Ли Цзяньхун не смог удержаться от шага вперед и едва не врезался в оконную решетку.

Увидев Дуань Лина, Ли Цзяньхун почувствовал себя измученным путником под палящим солнцем, и на пороге смерти обнаружил, что вдали наконец-то появился оазис...

И он с тоской и страхом сделал еще один шаг вперед, боясь, что это не более чем мираж, поднявшийся из пыльной бури.

Дуань Лин во сне уже успел сделать полный оборот на кушетке; когда яркий солнечный свет хлынул прямо в комнату, он окончательно выбился из сил и проснулся от жары.

— Лан Цзюнься! — окликнул Дуань Лин.

За оконной решеткой тот зашевелился, но Ли Цзяньхун погрозил ему пальцем и взял свидетельство о рождении Дуань Лина. Даже не взглянув на него, он свернул его как следует и передал обратно Лан Цзюнься, указывая, что тот должен убрать его.

Находясь в комнате, Дуань Лин вспомнил, что утром Лан Цзюнься сказал, что он должен выйти по каким-то делам. Тогда он самостоятельно встал с кушетки, оделся, накинул на себя верхний халат, умылся и, толкнув дверь, вышел из комнаты, зевая и проходя через двор.

— Как вы и велели, — пояснил Лан Цзюнься.

— Я отправил его в Прославленный зал. Он прошел довольно длительное обучение. Его Высочество очень смысленный и уже умеет писать сочинения.

Ли Цзяньхун ничего не ответил и поспешил по коридору вслед за Дуань Лином. За дверью он остановился и наблюдал за фигурой Дуань Лина, который отправился на кухню в поисках чего-нибудь съестного и вскоре вышел оттуда, неся коробку с едой, которую приготовил для него Лан Цзюнься.

— Он изучал боевые искусства? — спросил Ли Цзяньхун.

— Он всегда донимал меня просьбами научить его драться, но я не решался учить его, боясь, что это помешает учебе.

Ли Цзяньхун долго не говорил ни слова, его глаза как-то странно покраснели. Он все время наблюдал за Дуань Лином, не сводя с него взгляда.

Лан Цзюнься спросил:

— Ваше Высочество?

Ли Цзяньхун сделал один шаг, но тут же почувствовал легкое желание отступить назад: там, за дверью, ему не хватало смелости сделать шаг вперед. Он никогда не боялся, даже когда перед ним стояла целая армия, но сейчас он неожиданно был обездвижен перед собственным сыном.

— Он ненавидит меня? — спросил Ли Цзяньхун.

— Он никогда вас не ненавидел, — ответил Лан Цзюнься.

— Он все время ждал вас. Я сказал ему, что Ваше Высочество вернется, когда зацветут персики.

Ли Цзяньхун продрог до мурашек. Когда между ними оставалась лишь дверь, он поднял руку, но долго не решался открыть ее и войти.

Все внимание Дуань Лина было сосредоточено на обеде. К нему подлетела птица, и он взял

пальцами несколько зерен риса, чтобы покормить ее. Наблюдая за всем этим за дверью, Ли Цзяньхун начал улыбаться.

— Он уже прочитал некоторые из четырех книг и пяти канонов, но не усвоил информацию, не проанализировав ее, поэтому, когда он поступит в Академию Биюн, ему понадобится учитель для чтения лекций. Каллиграфия у него неплохая — он практиковался в копировании с тетрадей госпожи Вэй*. Для развлечения он читал «Искусство войны» Сунь-цзы, «Уцзы» и «Методы Сыма»; также он равнодушен к классическим стихам из Книги песен*. Он изучает множество различных предметов. В свободные дни он также читает медицинские тексты и книги по травологии.

* Имеется в виду Вэй Шо — китайский каллиграф эпохи Цзинь.

* Древнекитайские военные трактаты и собрание очень древних стихов, гимнов и песен из различных государств Китая.

— Мой сын бы понравится принцессе Дуаньпин.

Ли Цзяньхун тихо произнес:

— Астрология, гадание, изучение всех школ мысли, широкого круга предметов.

Закончив есть, Дуань Лин убрал коробку с едой, потянулся и сел во дворе, летая в облаках. Солнечный свет падал на его лицо, освещая юношеские черты, такие же аккуратные и свежие, как весеннее растение, переполненное жизнью.

Но даже когда он позволил своему разуму блуждать, голова Дуань Лина все равно была занята множеством мыслей: в один момент он читал и писал, в другой — думал о своем саде — об этом маленьком собственном мире.

— Он любит острую пищу, — добавил Лан Цзюнься. — Как и вы. А еще он любит выращивать цветы и тому подобное — эти навыки он перенял у семьи Дуань в Жунани. Его интересы действительно слишком разнообразны. Я не осмелился учить его всему, а выбрал часть своих знаний, чтобы поделиться с ним. В основном же я призывал его сосредоточиться на учебе.

— У моего сына есть девушка, которая ему нравится, здесь, в Шанцзине? — спросил Ли Цзяньхун.

Лан Цзюнься покачал головой.

Лан Цзюнься редко бывал на улице весь день, так что некому было указывать ему, что делать. Дуань Лин решил сначала заняться садом.

Во внутреннем дворе расцвело персиковое дерево.

— Вот это да! — воскликнул Дуань Лин, в его голосе звучал восторг. Персиковое дерево в этом году расцвело просто великолепно: ветвей стало гораздо больше, чем в прошлом году, а некоторые лепестки даже упали на землю. Дуань Лин бросился в дом и нашел деревянный ящик, собрал в него опавшие лепестки, а затем полил свои лекарственные растения.

Когда он поставил лейку, то вдруг ощутил чье-то присутствие за спиной.

— Разве ты не выходил? — Дуань Лин обернулся и увидел незнакомца. Он сразу же опешил, но не испугался. Он подумал: это наш новый садовник? Неужели Лан Цзюнься нанял садовника? Но он не похож на него.

Он был и крепче и выше Лан Цзюнься; контуры его лица были резкими и твердыми, а кожа чуть темнее, чем у людей в Шанцзине. У него были глубоко посаженные глаза, похожие на мерцающие звезды, мягкие губы, высокая переносица, черные зрачки, которые блестели, как лак. Хотя он выглядел неухоженно, он был красивее всех мужчин, которых Дуань Лин когда-либо видел в Шанцзине, а его крепкая фигура излучала ауру, которая заставляла человека чувствовать себя в безопасности.

Мужчина снял свою бамбуковую шляпу. Его глаза были похожи на глубокие чернильные лужи, наполненные жизненной силой, но в них виднелся легкий красный оттенок, когда он пристально глядел на Дуань Лина.

Однако Дуань Лину казалось, что этот человек ему странно знаком, как будто он встречал его во сне.

— Это ты их вырастил? — спросил Ли Цзяньхун.

Дуань Лин кивнул, и Ли Цзяньхун медленно подошел к нему. Дуань Лин сидел на маленьком табурете, смотрел на растения на клумбе и оглядывался на Ли Цзяньхуна. Он опустился на колени рядом с ним, чтобы их глаза оказались на одном уровне, обратил внимание на клумбу, но лишь ненадолго вернул взгляд к его лицу.

— Что это за цветы? — спросил Ли Цзяньхун.

— Это пион, это красная лоза, трава хулан, базилик...

Дуань Лин познакомил его со своим маленьким уголком мира, но глаза Ли Цзяньхуна не отрывались от его лица. Вскоре он начал улыбаться. Дуань Лин не знал, почему, но улыбнулся в ответ.

— Почему вы плачете? — спросил Дуань Лин.

Ли Цзяньхун покачал головой, не в силах ничего сказать, и Дуань Лин вытер его слезы рукавом, оставляя место, чтобы тот мог сесть. Ли Цзяньхун, скрестив ноги, расположился позади Дуань Лина.

Дуань Лин продолжил ворошить землю лопатой.

— У вас есть земляные черви? Сейчас весна, поэтому я хотел бы завести дождевых червей и держать их здесь.

— Пойду завтра наловлю, — ответил Ли Цзяньхун.

— А сейчас мне нужно заниматься.

Дуань Лин вернулся в кабинет, но Ли Цзяньхун последовал за ним. Сперва Дуань Лин принял его за нового садовника, но теперь ему казалось, что он не совсем похож на него.

— Вы друг Лан Цзюнься? Он еще не вернулся. Он ушел сегодня по делам.

Ли Цзяньхун кивнул, и Дуань Лин пригласил его в кабинет и налил ему чашку чая.

— Приморский буржень*.

* Редкий зеленый чай, Бяньхай означает либо морское побережье, либо реальное место.

— Вы знаете? — произнес Дуань Лин, улыбаясь. — Я купил его в городе. Вот, вытрите лицо.

Дуань Лин протянул ему влажное полотенце, и Ли Цзяньхун спросил его:

— Что ты читал в последнее время?

— Три комментария к «Весна и Осень».

— На какой части остановился?

— Я пропустил Традицию Цзо, — открыл книгу и ответил Дуань Лин. — Сейчас я читаю «Комментарий Гунъяна». Глава школы говорит, что я недостаточно глубоко погружаюсь для понимания.

Ли Цзяньхун улыбнулся ему.

— Ты можешь читать ее вместе с «Пояснительными записками к Тринадцати классикам».

Дуань Лин порылся в своих стопках, нашел под ними книгу и показал ее Ли Цзяньхуну.

— Я позаимствовал ее в магазине Чэнкэна. Вы тоже учились?

Ли Цзяньхун сделал глоток чая.

— Немного. Не успел закончить четыре книги и пять канонов, не очень хорошо пишу сочинения. Не стоит пренебрегать знаниями предков. У тебя неплохо получается.

— Вы ханец? — с любопытством спросил Дуань Лин.

Ли Цзяньхун сидел под солнцем, и на него проливался свет. Хотя его одежда была потрепанной, в его лице было что-то невыразимо величественное и благородное. Он торжественно посмотрел на Дуань Лина.

— Да. В древности моя семья даже произвела на свет мудреца.

Дуань Лин был потрясен.

— Какого?

— Угадаешь?

— Какая у вас фамилия, господин?

Ли Цзяньхун засиял улыбкой.

— Ли.

— Ветер не длится день, дождь не длится утро, — произнес Дуань Лин.

Ли Цзяньхун кивнул.

— Даже в природе нет постоянства, что уж говорить о людях? Верно. Это Ли Эр*.

* Ли Эр — настоящее имя Лао-цзы. Это строка из «Дао дэ цзина», хотя то, что здесь приведено, — обычная ошибка в цитировании. В оригинале слова «утро» и «день» переставлены местами.

Дуань Лин смотрел на него, совершенно ошеломленный, и Ли Цзяньхун сказал:

— У меня три брата, и из нас четверых я учился меньше всех. Мне часто кажется, что я подвел предков.

Дуань Лин улыбнулся.

— Должно быть, во всем остальном вы просто великолепны. У вас на спине меч?

Дуань Лин обратил внимание на длинную коробку, стоящую рядом с Ли Цзяньхуном, и тот взял ее, поставил на стол и открыл, чтобы показать Дуань Лину. Он еще никогда не был так потрясен.

— Это ваш меч?

— Тебе нравится?

В коробке оказался тяжелый меч. Он был полностью черным, ростом почти с Дуань Лина, а на его рукояти был вырезан символ инь-ян. На лезвии были выгравированы странные иероглифы, как будто оно было очень старым, но его острие блестело и хорошо было наточено из-за частого использования. Дуань Лин хотел дотронуться до него, но Ли Цзяньхун двумя пальцами обхватил его запястье, чтобы он не мог сдвинуться с места, а затем перехватил пальцы Дуань Лина и взял его за руку. Он предупредил:

— Это тяжелый меч из метеоритного железа, который весит сорок кэйти*, но он настолько острый, что волос, брошенный в него, будет разрублен пополам. Он проходит сквозь железо, словно оно сделано из грязи. Одно неверное движение — и ты лишишься пальца.

* Если бы это была династия Сун, то меч весил бы около 25 кг.

Дуань Лин засмеялся. Ли Цзяньхун взял его руку и прижал ладонь к рукояти меча. Клинок трепетал, словно живой.

— Как он называется?

— Некоторые называют его «Чжэньшаньхэ». Я называю его «Безымянным», потому что его предыдущим воплощением была сабля под названием «Безымянная сабля*». Когда империя пала, она тоже попала в чужие руки. Кузнецы Жужаньского каганата переплавили ее в пять видов оружия и приписали их к каждому из своих племен.

* Полная история о Безымянной сабле и ее владельце Чжан Му раскрывается в новелле «Орлиный страж» Фэйтянь Есяна.

Дуань Лин был совершенно очарован этой историей.

— Позже Великая Чэнь ворвалась в царство Лоулань и забрала их все обратно, снова перековав в этот меч. Он олицетворяет собой мандат небес, прорезая линии гор и рек. Он был изготовлен из лучших металлов запада путем сотни плавок и тысячи ударов. Это реликвия царства Хань.

Дуань Лин кивнул, закрывая футляр с мечом.

— У Лан Цзюнься тоже есть меч, и он тоже очень острый.

— Его меч называется Цинфэнцзянь, — пояснил Ли Цзяньхун. — Цинфэнцзянь Лан Цзюнься, Легуанцзянь У Ду*, Байхунцзянь Чан Люцзюня*, Цзядяньцзиньман Чжэн Яня*, Чжаньшаньхай Сюн Чунь* и Дуаньчэньюань буддийского мастера Кунмина* — все это знаменитые мечи, перешедшие от предыдущей династии. А из этих людей Чжэн Янь, Чан Люцзюнь, У Ду и Лан Цзюнься — убийцы*.

* «Меч пламенного света».

* «Меч с ореолом».

* «Пурпурная молния, золотое острие», но предположительно означает пурпурный халат высокопоставленного сановника и золотую шелковую ленту, которую носят вокруг талии.

* «Разрубая горы и океаны». Для слова «разрубить» здесь используется то же слово, что и для обезглавливания.

* «Разрубая связи с сансарой».

* Можете посмотреть кто есть кто в справочной информации.

— А что насчет вас? Откуда вы?

Дуань Лину было очень любопытно, откуда взялся этот странствующий мечник.

— Вы убийца?

Ли Цзяньхун покачал головой.

— Я пришел с юга. Ты бывал там?

— Раньше я жил только в Жунани, а после переезда в Шанцзин больше нигде не был.

— Теперь это все бывшая родина. Однажды я жил в Сычуани. Ее процветающие улицы тянутся на многие ли, а нефритово-зеленые реки извиваются вокруг, словно ленты. Гора Юйхэн, увенчанная облаками, вечно окружена клубящимся туманом, а богатый, буйный Цзянчжоу никогда не засыпает.

Рот Дуань Лина приоткрылся, а Ли Цзяньхун продолжил:

— Цзяннань совсем не похожа на Шанцзин. Деревья здесь насыщенного зеленого цвета, а не как у вас — свежие ростки. Когда наступает весна, повсюду цветут персики. А еще там есть океан, тянущийся в бесконечность.

— Вы бывали во всех этих местах?

Ли Цзяньхун кивнул, улыбаясь.

— Еще есть Дяньнань* — Дяньнань прекрасна, словно рай; там круглый год весна и никогда не бывает снега. Озера там подобны зеркалам, вода чистая, холодная и постоянно подпитывается тающими снегами с горы Сюэ. А еще есть Юйбигуань. Когда в Юйбигуань приходит осень, все, что можно увидеть вокруг, — кроваво-красные клены.

* Дяньнань находится в провинции Юньнань, прямо у границы с современным Вьетнамом, на юго-западе Китая.

Выражение лица Дуань Лина наполнилось тоской.

— Интересно, смогу ли я когда-нибудь увидеть все эти места.

Ли Цзяньхун произнес:

— Если хочешь, я отвезу тебя завтра.

Удивленный, Дуань Лин на мгновение замолчал.

— Правда? — недоверчиво спросил он.

— Конечно, — совершенно серьезно сказал Ли Цзяньхун Дуань Лину. — С небом в качестве покрывала и землей в качестве кровати ты можешь отправиться куда угодно.

— Но мне нужно учиться, — Дуань Лин не знал, что и чувствовать, и неловко ответил. — Я

должен... получить высокое место на императорском экзамене. Лан Цзюнься меня не отпустит.

— Он не может тебя контролировать. Я могу дать тебе все, что есть на этой земле, — сказал Ли Цзяньхун. — Я могу сказать ему об этом сегодня вечером, и куда бы ты ни пожелал, мы сможем уехать уже завтра. Ты ведь хочешь научиться боевым искусствам? Если хочешь, я могу научить тебя и этому. Если ты не хочешь ходить в школу, то тебе больше не придется.

Дуань Лин был ошарашен: инстинкт подсказывал ему, что этот человек просто шутил, но то, как серьезно он все это говорил, не позволяло сомневаться в нем. Хотя ему было уже тринадцать, Дуань Лин все еще был юным, и ему было свойственно веселиться, так как же он должен был сидеть на месте?

— М...Забудьте об этом.

Дуань Лин оставил эту идею. Он знал, что не может уйти.

— Почему?

Ли Цзяньхун пристально посмотрел на него.

Дуань Лин сказал:

— Мне еще нужно кое-кого дождаться. Лан Цзюнься сказал мне, что он придет.

— Кого ты ждешь? — спросил Ли Цзяньхун.

Дуань Лин на секунду задумался.

— Я жду своего отца. Лан Цзюнься говорит, что мой отец — удивительный человек.

Солнце скользило по небу, уходя на запад, но в этот самый момент время словно застыло. За окном цветок персика сорвался с ветки и, кружась, полетел к пруду. Зашумела вода — то был звук рыбы, всплывающей на поверхность.

Из мешочка, привязанного к поясу, Ли Цзяньхун очень медленно достал что-то и положил на стол, издавая тихий звон нефрита о дерево. Затем он осторожно поднес его через стол к Дуань Лину.

— Ты ждал этого? — в голосе Ли Цзяньхуна были слышны нотки плача.

У Дуань Лина захватило дыхание. На полукольце в форме нефритовой дуги, чистом и

прозрачном, как лед, были выгравированы два слова.

Дрожа, Дуань Лин снял с шеи красный шнурок с вышитым мешочком, осторожно достал вторую половинку нефрита и скрепил их в единый, безупречный нефритовый тор с рельефом орлиных перьев и свернувшегося дракона на облаках, объединяя четыре слова.

Процветающее царство; величественная империя.

<http://bllate.org/book/15657/1400637>